

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30)

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVII

Buenos Aires, martes

8 de octubre de 1974

Буэнос Айрес, вторник 8 октября 1974

N° 1284

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА ТРЕТЬЕМУ СОБОРУ ЗАРУБЕЖНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, Досточтимые Отцы, Милостивые государи!

Высокопреосвященнейший митрополит Филарет выразил желание, чтобы я обратил к Вам со своими соображениями, как и чем может неугнетенная часть Русской Православной Церкви помочь ее угнетенной плененной части. Сознывая свою неподготовленность к выступлению по церковному вопросу перед собранием священнослужителей и иерархов, посвятивших служению Церкви всю свою жизнь, я однако и не смею уклониться от своего долга, лишь прошу о снисхождении к моим возможным ошибкам в терминологии или в самой сути суждений.

Скорбная картина подавления и уничтожения православной Церкви на территории нашей страны сопровождала всю мою жизнь от первых детских впечатлений: как вооруженная стража обрывает литургию, проходит в алтарь; как беснуются вокруг пасхальной службы, вырывая свечи и куличи; одноклассники рвут нательный крестик с меня самого; как сбрасывают колокола на землю и долбят храмы на кирпичи. И хорошо я помню то предвоенное время, когда храмовая служба запрещена была уже почти повсюду в нашей стране, так что в моем полумиллионном городе не оставалось ни единого действующего храма. Это было через 13 лет после декларации митрополита Сергия, и так приходится признать, что та декларация не была спасением Церкви, но безоговорочной капитуляцией, облегчающей властям «плавное» глупое уничтожение ее. Возрождение церковного существования еще тремя годами позже отнюдь не было выполнением конкордата со стороны власти, но вызывалось бедственным положением последней: силой религиозной волны по стране, особенно от восстановления храмов в оккупированных областях, и необходимостью угодить западному общественному мнению. На самом деле обманом были уступки и обещания 1943 года: вот прошло уже 30 лет — и все с той же несмирившей атеистической злобой власть гнет и давит русскую Церковь и лишь в той мере терпит ее — д у м а е т, что в той мере! — как нуждается в ней для политической декорации и вмешательства в дела Церкви международной.

Однако, есть свой глубинный непредвидимый ход у многих явлений, тем более у духовных. Введенная Сталиным лишь как фишка в политической игре, Церковь — не как организация, но как духовное тело — стала набирать силу, не разрешенную властями и уже не полностью контролирующую. «Распихом города берут» — говорит пословица. Таким распихом была разгромлена и смята наша Церковь в 20-е годы — от сил, по своей лютости крайности слишком неожиданных тогдашнему благодушному населению. Правда, эта лютость преследований вызвала очищающую вспышку веры и жертвы, какой давно не знала русская Церковь, а может быть и мировая, — но те исповедники были уничтожены сплошь. Стойкое исповедание стоило свободы и жизни — и к разгару 30-х годов уже казалось, что из России навсегда изгнана не только храмовая служба с колоколами, но при последнем удушении и затаенная шепчущая молитва. Однако то, что могло утратиться с первого наскока, сорвалось со второго: оказалось, что церковная масса уже не дает разгромить себя также и во второй раз. Мы, население, в коммунистической ат-

мосфере тоже изрядно закалились и приспособились, о чем вы можете судить по многим общественным явлениям в нашей стране. Напротив, власть дряхлеет от года к году, все более возлюбив имущественность. То, что в 30-х годах казалось духовно-обреченной пустыней, сегодня зеленеет во многих местах и направлениях. Еще со свежим недавним опытом могу свидетельствовать вам: островками, отдаленно непохожими на советскую повседневность, советскую психологию, теплятся православные храмы в современном Советском Союзе. Жестоко разрезаны эти храмы по лику страны, иногда и двести километров надо ехать для церковной требы, на рядовую службу уже не поедешь, просят других за себя подать поминание и поставить свечку. Но и праздничное переполнение уцелевших церквей оборачивается против гонителей: при нынешнем охолощении веры на Западе — может быть нигде на Земле нет сейчас таких переполненных христианских храмов, как в СССР: негде поставить земного поклона, перекреститься тесно, от этого ощущения вера отнюдь не слабеет. Чувствуя плечи друг друга, мы утверждаемся против гонений. Круг верующих еще много шире, чем кому доступно и кто смеет посещать храмы. В Рязанской области, которую я наблюдал больше других, до 70% младенцев окрещиваются, несмотря на все запреты и преследования, а на кладбищах кресты все больше вытесняют советские столбики со звездой и фотографией. Конечно, это еще далеко не разгорбленная Церковь: она пронизана доносителями на штатных должностях, ограничена во всех видах гражданских прав, ее священники — под произволом атеистических самодуров, реально не существует приход и приходская деятельность, отрезаны пути христианского воспитания отрочества и юности, — но уже молодость сама своими ногами все гуще приходит в храмы. И здесь не могу не сделать характернейшего сопоставления: 60 и 80 лет назад русская православная Церковь при полной поддержке могущественного государства, сама во всеисилии и красе, была избегаема и подвержена насмешкам именно со стороны молодежи и интеллигенции. Вспоминаю недавно умершего крупного деятеля советской культуры, который в юности на обязательном богослужении крал на сборные церковные блюда — окурки вместо монеток, вызывая восхищенный смех гимназисток. Сегодня, напротив, интеллигенция и молодежь в Советском Союзе, даже не разделяя веры, относятся к ней с достойным уважением, все насмешки свои и презрительное свое уклонение перенесли на господствующую коммунистическую идеологию. И сколько пламенных последователей было у воинствующего атеизма в 20-ые годы, это я хорошо помню, тех самых, кто бесновался, задувая свечи и рубя топорами иконы, — ныне они рассыпались в прах, как и их Союз Воинствующих Безбожников, самые ярые нашли свою гибель на том же Архипелаге, где и верное священство, другие переменялись, учение их лишилось всякой энергии, а Церковь пережила жестокости, которых, кажется, пережить невозможно, и вот стоит, хоть

и далеко до своего естественного объема, и вот крепится — если не организацией своей, то духом верующих и новообращенных.

Вот т а к о й я вижу сегодняшнюю Русскую Церковь в нашей стране и хотел бы предостеречь деятелей Зарубежной Церкви от ошибки дальнего зрения: считать эту многомиллионную нашу Церковь — «падшей», а ей противопоставлять некую «истинную», «потайную», «катакомбную». Первые 15-20 лет советской власти в разгул как будто победящих гонений подобие катакомбной Церкви было, да: в тайных укрытиях моления трагических священников и гонимых верующих. Но течет обычная жизнь, и большинство людей — не святые, а обычные. И вера и богослужение призваны сопровождать их обычную жизнь, а не требовать всякий раз сверхподвига. И если храм оказывается рядом и свечи его зажжены — то люди естественно тянутся туда. Я и сам знаком с иными такими женщинами, кто в 30-е годы перепрыгивал батюшек и собирал тайные богослужения на квартирах, — сегодня эти женщины просто ходят в ближайший храм. А если где проявляется почитание молитвенных разоренных мест (у источника, на кладбище, тоже знаю такие под Рязанью) как бы взамен богослужения — то лишь по закрытости всех окружающих храмов и полному отсутствию пастырей. Заблуждение — выводит из таких случаев существование якобы «тайной церковной организации» как «всероссийского явления». Если власти вновь заколотят завтра все храмы до единого, катакомбные моления возникнут вновь, но на это и у власти уже энергии нет. Не надо сегодня воображаемым образом катакомбной церкви подменять реальный русский православный народ. Не надо, как я замечаю в некоторых ваших публикациях, игнорировать, обходить умозаключением — самовозникший и самокрепнувший в нашей стране православный мир. Задача наша сегодня гораздо сложнее, многогранней — но и РАДОСТНЕЙ! — чем солидаризоваться с таинственной, безгрешной, но и бестелесной катакомбой.

Нынешняя церковь в нашей стране — плененная, угнетенная, придавленная, но отнюдь не падшая! Она восстала на духовных силах, которыми, как видим, Господь не обделил наш народ. Ее восхождение и стояние я несколько не приписываю, я уже сказал, верности программы митрополита Сергия Старгородского и его последователей. Не их помрачительные расчеты укрепить Христа ношением на груди отчеканенного ордена антихриста; или заманиванием беженцев в лагерь родины на смерть: или любой агитпропской клеветой — о какой-нибудь «бактериологической войне, ведомой американцами»; — не их малодушной капитуляцией и не их преступлениями восстановился корпус Христовой Церкви, — но так потекли исторические силы, выражающие Промысел Божий. Грехи покорности и предательства, допущенные иерархами, легли земной и небесной ответственностью на этих водителей, однако не распространяются на церковное туловище, на многочисленное

добросердечное священство, на массу молящихся в храмах — и н и к о г д а не могут передаваться церковному народу, вся история христианства убеждает нас в этом. Если бы грехи иерархов перекладывались на верующих, то не была бы вечна и непобедима Христова Церковь, а всецело зависела бы от случайностей характеров и поведений.

Но — и понять, посочувствовать требует наша новейшая история. Я поклоняюсь памяти Патриарха Тихона. Какая новизна, неисследованность и тягота предложила все разнообразные и несхожие шаги его в те бурные годы, которым по бурности не было равных за тысячу лет России: и когда он руку подымал с амвона для анафемы большевистским комиссарам; и когда терзался сомнениями в клещах бесстыжей игры Ленина и Троцкого с церковными ценностями: милосердие приводило к разгрому, а стойкость выглядела противохристианской; и когда для одоления наглых «обновленцев» допускал тон полупримирия с атеистической властью; и когда взвешивал меру разрешимых уступок. На плечи его легла тяжесть не только тех необычайных, еще никем тогда не осознанных лет, но и тогда ж проявившееся бремя грехов предыдущей церковной русской истории. Внезапная смерть Патриарха (с большой вероятностью — чекистское убийство) лишь подтверждает правильность его линии. Таким же смертным подтверждением в тюрьмах ГПУ, на Соловках, в других лагерях и ссылке была отмечена правота тысяч священников, монахов, епископов и патриаршего местоблюстителя Петра. И кто преклоняется перед твердостью их, тот не может не оплакать ложную линию угодничества, начатую митрополитом Сергием (однако тоже еще в обстановке, трудно постигаемой), а его последователями продленную и даже раскатанную по наклонной вниз. Но и им легко ли было освоить, что не от их подписи зависит неуклонное возрождение Церкви? что, напротив, о т к а з а в большевикам во всех уступках, они славно и успешно восстановили б ее?! Это т е п е р ь мы обучились, да и то не все, что людоежливой силе, впервые вообще узнанной в XX веке и первыми нами, в России, недопустимо духовно подчиняться никогда ни на вершок: всегда — гибель. Под этой властью только твердостью мы добываем себе простор, либо когда власть вынуждается; из доброй милости мы никогда еще не получили ничего. А последние годы таково в нашей стране расположение сил и слабостей, что Московская патриархия могла бы с а м а, одной лишь непреклонностью своею, быть может с потерей нескольких должностей, — от многих пут и унижений решительно рассвободить нашу Церковь. Я и сегодня не смотрю иначе на предмет моего письма Патриарху Пимену в позапрошлом году. К освобождению от лжи кого ж было призвать п е р в ы м и, если не духовных отцов? Однако пересеча государственную границу, я утерять право такое письмо повторить бы сегодня.

Пересеча границу, а прежде того лишь по смутной наслышке что-то знав о разногласиях зарубежных русских Церквей, — з д е с ь по-новому изумляешься глубине нашего православного церковного разрознения, а значит, глубине того кризиса, в который русская Церковь впадала. Т а м — свое горе, з д е с ь — свое.

Правда, мне тоже трудно себе уяснить пути водительства западных епархий

**В следующем номере читайте статью
Ивана Солоневича о церковных юрисдикциях**

Заявление Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви

московской юрисдикции: как это? — из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи — надевать такие же и на себя? из сочувствия к рабам склонять и свою выю под ярмо? из сочувствия ко лгушим в плену — поддерживать ту ложь на свободе? Если все это — из преданности материнской Церкви, если все эти жертвы — для единства с ней, то это — ложное понятие единства, извращенная иллюзия, не вызывающая благодарности у меня как прихожанина Церкви плененной: если они так едины и сочувственны с нами, то отчего ж ни движением не обороняют нас от нашего гнета? отчего ж не выскажут внятно о проискливой низости, лживом коварстве всей государственной церковной политики, всех «комитетов по делам Церквей»?

Но чем оправдать несогласия с вами о д н ы х зарубежных русских православных Церквей друг с другом? Я смиренно повторяю, с чего я начал эту речь: что я никакой не специалист по церковным вопросам: я никогда не изучал каноники; и не могу сейчас вникнуть с подробностями в полувекую уже историю русских Церквей вне пределов родины. Но главные факты этого разрознения знаю, и, мне кажется, каждая из спорящих Церквей имеет немалые канонические основания, и у каждой можно найти в них огрех (как и у самой Московской патриархии с ее пресеченной традицией). Прав канонических безупречных, безоговорочных, не найдется: ни у кого, — а без того и не могла пережить Русская Церковь эпоху таких непредвидимых сотрясений. Расчеты всяких строителей предусматривают действия обычных земных сил, а если раскололась сама земля, то нельзя ни упрекать их, ни сетовать на формулы. Я думаю, в такую эпоху канонические основания вообще должны были отступить на второй план перед душой каждой Церкви и верностью ее исповедания. Но ни в подчинении и безбожным силам, ни в сорудничестве с ними, я думаю, никто здесь не обвинит ни Церковь, пошедшую от митрополита Евлогия, ни Американскую митрополию. И обе они возносят молитвы о страждущей Русской Церкви и угнетенном нашем народе. И вместе с тем ни одну из спорящих трех Церквей нельзя признать божественно безошибочной во всем объеме ее деятельности. (Да кто из наших соотечественников за эти 60 лет, на родине или за рубежом, временами не питал иллюзий? не ошибался? не отступался?) Поэтому никто не обладает такой безусловностью, чтобы другую Церковь отлучить от Церкви единой.

Однако, да не прогневаются на меня Ваш высокий Собор: и новоприбывшему, и невежественному, и слепцу, и юнцу ясно, что разрознение, дошедшее до запрета взаимного литургического и даже бытового общения священников! до отлучения прихожанина за то, что он помолился нашему Богу в другой Церкви! до ОТКАЗА В ПРИЧАСТИИ УМИРАЮЩЕМУ христианину, если он не в точности знает! — сотрясает уже не только единство нашего православия, общую наследственность от Патриарха Тихона, но и саму христианственность нашу: (одному ли молился мы Христу? Тогда все молящиеся ныне по всей Руси — тем более отлучены и даже прокляты? А если нет, не погибли, — почему ж погибли прихожане Церквей «парижской» и «американской»?).

Прибредя от бедствий и жертв плененной Церкви — чем же тогда возрадоваться в Церкви свободной? Какая опасность: внешний ли гнет по захвату или внутренний распад по несогласию? О себе скажу: под первым я никогда не терял бодрости, второй привел меня здесь в уныние. (И только то, может быть, успокаивает, что успел заметить по здешней пастве: она также мало знает и так же мало отвечает за расхождение иерархов, как и наша там). Как легко понять самоотверженное стояние Зарубежной Церкви против терзаний нашего народа (отчего так настойчиво они силились вас покорить или извести) — так невозможно понять и принять противостояния православных друг другу. Ведь тогда безнадежно все будущее русского православия? — если не соединились в объеме малом, при сходном жизненном опыте, — насколько невозможно будет соединиться в объеме всеобщем, при разительном неслыханном в истории?

Вероятно, подробным изучением можно обнаружить много частных, особен-

Московская патриархия за подписью патриарха Пимена и членов его Синода рассылает духовенству русской православной Церкви за границей послание с призывом отказаться от своего нынешнего канонического положения и присоединиться к этой патриархии.

Обращение пестрит укоридами в том, что мы якобы исполнены чувств «вражды, озлобления и ненависти в отношении своих братьев по вере» в СССР. Это озлобление якобы «достигает, по временам, таких размеров, что выражается в запрещении любого общения с сынами Церкви отечественной».

Нынешнее обращение отличается от прежних только тем, что на этот раз не содержит недоброго требования от нас заявлений о лояльности советскому правительству.

Приписывание нам враждебных чувств к сынам отечественной Церкви есть клевета и ни с чем не сообразно. Мы уже много лет обличали и будем обличать советскую власть за мучительство русского народа, столь ярко изображенное теперь в книгах А. И. Солженицына. Наше сердце разрывается от скорби каждый раз как: доходят до нас сведения о страданиях русского народа под игом атеистического коммунизма. Об избавлении его от этих страданий мы неизменно молились во всех наших храмах. Мы с горечью наблюдаем видимое равнодушие московской патриархии к этим бедствиям, которое так ярко проявилось 17 сентября 1973 г. в заявлении патриарха Пимена в Женеве, когда он, вопреки общественной истине, утверждал, что в СССР «нет привилегированных и угнетенных» и когда он и его сотрудники категорически отрицают всякое притеснение религии со стороны коммунистов.

Пусть Москва не старается пугать нас изоляцией в православном мире, увя, часто не разбираемся в том, что происходит в России. Если некоторые Восточ-

ных, даже личных, психологических и случайных мелких причин, которые неудачным нанизыванием углубляли и ожесточали начавшийся в Зарубежье раскол. Но, загораживая всякий иной путь к добыче истины, восстает перед нами тяжелый вопрос как воздвигнутый крест, и нет у нас душевного права увильнуть, обминуть, не ответить: да в Зарубежье ли, только ли от ненормального эмигрантского положения проявился этот раскол? А не следствие ли он уже давно ослабленного, внутренне подорванного состояния Русской Православной Церкви? и если ослабленного, то как давно?

Моя жизнь уже много лет посвящена исследованию новейшей русской истории, точнее: отчего совершилась уничтожающая революция, как текла она и осталась ли пути к спасению России от этой гангрены? В ходе этой работы я обнаружил, что со всех сторон произведены извращения, сплетено немало легенд, приукрашивающих с вою сторону. И я был бы непоследователен и без надежды узнать истину, если бы, освещая все искажения кряду, для иных сохранил бы шадящее исключение. Горько сказать, но одно из таких исторических искажений — представлять дореволюционную Русскую Церковь как пребывающую в благосостоянии, к которому и нужно снова подняться, всего лишь.

Нет, истина вынуждает меня сказать, что состояние Русской Церкви к началу XX века, вековое униженное положение ее священства, пригнетенность от государства и слитие с ним, утеря духовной независимости, а потому утеря авторитета в массе образованного класса, и в массе городских рабочих, и — самое страшное — поколебленность этого авторитета даже в массе крестьянства (сколько пословиц, высмеивающих священство, и как мало — в уважение к нему!), — это состояние Русской Церкви ЯВИЛОСЬ ОДНОЙ ИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ПРИЧИН НЕОБРАТИМОСТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ. Если бы Русская Православная Церковь была бы в начале XX века духовно самостоятельна, здорова и мощна, то она имела бы авторитет и силу ОСТАНОВИТЬ ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ, властно поднявшись НАД воюющими сторонами, а не дав себя причислить приложением к одной из

Патриархии могли быть обмануты даже обновленцами в 20-х годах, то тем легче им ошибаться теперь, когда тяжелое положение верующих скрывается от них за ширмой внешнего благополучия московской патриархии. Не слыша от нее о страданиях русского народа и особенно верующих они видят толпы в немногих открытых храмах и удивляются их необычному молитвенному усердию. В этих условиях, иерархии, контролируемой врагами Церкви, легко представлять себя им как законную русскую церковную власть. Мы ее таковой никогда не признавали и не признаем, ибо знаем ее истинную природу. Наша Церковь, как свободная часть русской Церкви, твердо стоит на канонической основе установления Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 февраля 1920 года и не намерена отказываться от своей свободы. Пользуясь ею, мы обязаны громко возвестить миру о преследованиях религии в СССР.

Никакое давление, с чьей бы стороны оно не проявлялось, не изменит нашего отношения к безбожному коммунизму, ибо мы помним гласание Апостола Павла, забытое нынешними возглавителями московской патриархии: «Не поклоняйтесь — под чужое ярмо с неверными. Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой? Какое согласие у Христа с Вельяром? Или какое соучастие верного с неверными?» (11 Кор. 6, 14-15).

Напрасно московская патриархия старается рассылать свое обращение по адресам нашего духовенства или верующих: они этого призыва не послушают, ибо слишком хорошо знают, что это голос не подлинной русской Церкви, а чужой и потому по слову Спасителя они за ним «не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса». (Ин. 10:5).

И здесь нет никакой фантазии: в истинно - православном царстве не может е - развиться такая истребительная война.

Увы, состояние русской православной Церкви к моменту революции совершенно не соответствовало глубине духовных опасностей, оскалившихся на весь наш век, и на наш народ — первый в этой череде. Живые церковные силы, ведущие к спасительным реформам и к Собору — давниме самодовольным государственным аппаратом и вязнувшие в дремотном благодушии своих сослуживцев, — не успели, настолько зримо не успели, что пушки красногвардейцев били по крышам и куполам заседающего Собора.

В этой краткой речи неуместно говорить подробнее о чертах нашей церковной недостаточности перед ликом грозного 1917 года (но может быть, судя о недостойности нынешней Московской патриархии, мы внутренне вспомним и кое-что сравним, объясним), да присутствующие здесь знают многое и помимо и больше меня, даже из личного опыта некоторые. Но я осмелюсь остановить внимание собравшихся еще на другом — дальнем, трехсотлетнем грехе нашей Русской Церкви, я осмеливаюсь полнозвучно повторить это слово — грехе, еще, чтоб избежать употребить более тяжкое, — грехе, в котором Церковь наша — и весь православный народ! — никогда не раскаялся, а значит, грехе, тяготевшем над нами в 17-ом году, тяготевшем поныне и, по пониманию нашей веры, могущим быть причиной кары Божьей над нами, неизбытой причиной постигнувших нас бед.

Я имею в виду, конечно, русскую инквизицию: потеснение и разгром устоявшегося древнего благочестия, угнетение и расправу над 12 миллионами наших братьев, единоверцев и соотечественников (жестокое пытки для них, вырывание языков, клещи, дыбы, огонь и смерть), лишение храмов, изгнание за тысячи верст и далеко на чужбину — их, никогда не взбунтовавшихся, никогда не поднявших в ответ оружия, стойких, верных древле-православных христиан, их, кого я не только не называю раскольниками, но даже и старообрядцами остерегусь, ибо и мы, остальные, тотчас выставимся тогда всего лишь н о в о о б р я

д а м и . За одно то, что они не имели душевной поворотливости принять поспешные рекомендации сомнительных заезжих греческих патриархов, за одно то, что они сохранили двуперстие, которым крестилась и вся наша Церковь семь столетий — мы обрекли их на эти гонения, вполне равные тем, какие отдали нам возмостоно атеисты в ленинско-сталинские времена, — и никогда не дрогнули наши сердца раскаянием! И сегодня в Сергиевом Посаде при стечении верующих идет вечная неумолчная служба над мощами преподобного Сергия Радонежского — но богослужебные книги, по которым молился святой, мы сожгли на смоляных кострах, как дьявольские. И это непоправимое гонение — самоуничтожение русского корня, русского духа, русской целостности продолжалось 250 лет (не 60, как сейчас) — и могло ли оно не отдалиться ответным ударом всей России и всем нам? За эти столетия иные императоры склонны были прекратить гонения верных подданных — но высшие иерархи Православной Церкви нащепывали и настаивали: гонения продолжать! 250 лет было отпущено нам для раскаяния — а мы всего только и нашли в своем сердце: пр о с т и т ь г о н и м ы х , пр о с т и т ь и м , как м ы уничтожали их. Но и это был год, напомним, 1905-й — его цифры без объяснения сами горят как валтасарова надпись на стене.

(За эти же века с неоглядливой щедростью теряли мы наших православных и по многочисленным сектам, а за советские десятилетия — даже самую чистую, резностную, бесстрашную молодежь, — и, думаю, не всегда то была вина их всемыслия, а чаще — вина церковной закоренелости, вялости, равнодушия).

Вот как глубоко, дальше и горькокоренно — наше церковное разрознение, рассеяние и наша собственная вина в том, что постигло Россию. Вот сколько еще объединений — шагов, ступеней, нагорий объединения высится перед нами, чтоб могли мы собраться воистину в Единую Русскую Православную Церковь, к которой, наконец, смиляется Бог. Нашу самую древнюю ветвь я наблюдал в богослужениях в беседах менее года назад, в московских храмах — и я свидетельствую вам о ее поразительной стойкости в вере (и против государственного угнетения — много стойче и а с !), и о таком сохранении русского облика, речи и духа, какого уже и сыскать нельзя нигде больше на территории Советского Союза. И то, что видели мои глаза и слышали уши, никогда не даст мне признать всемолимое объединение русской Церкви законченным, пока мы не объединимся во взаимном прощении и с нашей самой исконной ветвью.

Так много ступеней нас ждет — в высту братства и любви, а мы и на самой низшей застигнуты в непонятном раздрблении — не веры, не оттенков веры или хотя бы обряда, но каких-то ю р и с д и к ц и й — мерзкого слова, которого не только не слышали мы из уст Христа, но представить нельзя на страницах священных книг.

После того как блистательный, неограниченный, ничем не сдержанный материальный прогресс привел все человечество в удручающий духовный тупик, лишь немного по-разному выраженный на Западе и на Востоке, я не вижу других здоровых путей для всего живого, для наций, для обществ, для всех людских соединений — и уж, конечно, тем более для Церквей, по самой их природе, — других путей, нежели признание своих, а не чужих грехов и ошибок; покаяния в них; движения и развития путем о г р а н и ч е н и я прежде всего с а м и х с е б я . Этот выход — универсален, и нет оснований предлагать что-либо другое для Русской Православной Церкви — свободной или плененной, зарубежной или на родине. Грехи столетий и десятилетий — н а в с е х н а с , ни у какого церковного гонения, церковной организации нет чистоты от них: в с е м ы е с т ь Р о с с и я и в с е м ы с д е л а л и е е т а к о й , какова она сегодня. В духе известных Вам моих убеждений Вы не сомневаетесь, конечно, что я отношусь с полным сочувствием к тому неуступчивому стоянию против атеистических насильников, которое Вы избрали единожды и выдержали по сегодняшний день. Но загадочным образом всякое с т о я н и е , чтоб удерживать свои позиции неискаженными, должно р а з в и в а т ь с я во времени. И чуткое р а з в и т и е взглядов, оценок, практических решений Ваших Со-

Ответ Митрополита Филарета г-ну А. И. Солженицыну

10/23 сентября 74 г.

Глубокоуважаемый Александр Исаевич,

От лица Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей благодарю Вас за то, что Вы поделились с нами Вашими наблюдениями и мыслями. Мы волновались за Вашу жизнь, когда Вас арестовали, но Господь услышал нашу молитву и Вы вышли как бы из печи огненной и можете беседовать с нами. Члены Собора с большим вниманием выслушали Ваше письмо, находя в нем много глубоких и ценных мыслей.

Нам было ценно слышать именно от Вас, так же как и от других недавно прибывших писателей, подтверждение принципиальной правильности нашего отношения к церковным событиям на нашей Родине. Они отражались на нашей церковной жизни в гораздо большей мере, чем это может быть заметно Вам сейчас, без более глубокого изучения Вами истории русского Православия в Зарубежье в течение 54 лет.

Меньше всего хотелось бы нам когонибудь судить, но, будучи плоть от плоти и кровь от крови своего народа, наша иерархия должна была принимать решения о пути Митрополитов Петра и Иссифа или пути Митрополита Сергия. Следовать за последним представлялось

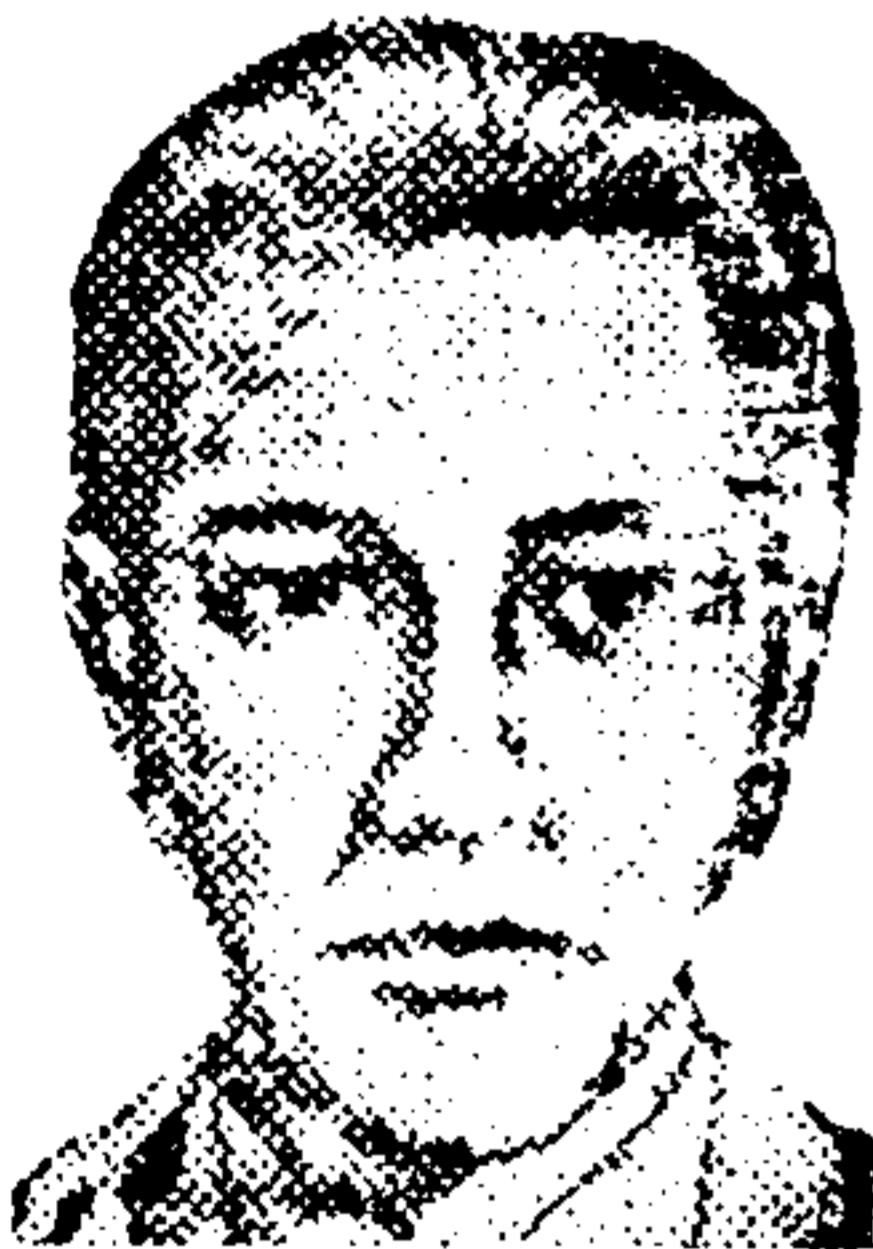
нам не только особенно нелепым за границей, не только вообще ошибочным практически, но и несоместимым с нашей верой. Поэтому еще покойные мои предшественники по возглавлению нашей Церкви, выдающиеся иерархи Митрополиты Антоний и Анастасий, глубоко изучив этот вопрос и следуя своей совести, восстали против политики Митрополита Сергия, в дальнейшем развитии дошедшей до нынешней степени падения Московской Патриархии. Ведь и от нас, начиная с 1927 года, она неоднократно требовала подписки о лояльности (здесь за границей) к советской власти. Вы справедливо пишете о трудности уяснить себе пути владычества западных епархий московской юрисдикции. Но ведь именно это и стало темой нашего спора с Митрополитом Евлогием и его последователями в 1927 году.

Справедливо сказал между прочим по поводу Вашего письма в Соборе о. протопресвитер Георгий Граббе: «Чего не знает А. И. Солженицын, это сколько было положено наших сил, начиная с двадцатых годов и до сего дня, чтобы доказать отделившимся от нас братьям, что Сергиевская иерархия несвободна и что путь ее и греховен и нецелесообразен. Это А. И. Солженицын пишет со свойственной ему яркостью. Но до него еще не дошли писания сторонников Митрополита Евлогия о «святой лжи»,

ОДИН ИЗ УБИЙЦ ДОКТОРА БАРТОША

El de uno de los asesinos de un médico policial.

EL comisario Horacio Cella, titular de la seccional 1ª de San Isidro, dio a publicidad una copia de rostro de uno de los autores del homicidio del que fue víctima el médico bonaerense, oficial ayudante Alejandro Bartosh, hecho ocurrido el 17 del corriente mes en dicha localidad. Señala el funcionario que solicita la cooperación de los ciudadanos para que informen sobre cualquier dato que permita lograr su captura y aclarar el homicidio.

LA CARA

Буэносайресская провинциальная полиция передала прессе «фото-кит» одного из убийц доктора Александра Михайловича Бартоша. Лица, могущие сообщить о нем какие-либо сведения, должны немедленно обратиться в участок Сан Исидро буэносайресской провинциальной полиции.

боров, поместных и архиерейских, могло бы вероятно сделать Вашу деятельность много эффективнее и помочь насущнее общему возрождению Русской Церкви.

Покажется, что я уклонился от первоначально заданного мне вопроса: как и чем может помочь свободная часть русской православной Церкви — ее угнетенной части? На самом деле я посылно отвечаю на него.

Не припомню исключений: основные движения, которые решают будущее страны и народа, происходят всегда в метрополии, а не в диаспорах. (Такую плату платят все, избравшие изгнание: ослабляется их влияние на судьбу своей страны). Итак, ожидаемое и, конечно, произойдущее освобождение и нашей Церкви и нашего народа, тоже совершится — в метрополии, процессами внутренними, божественно-неисповедимыми, как все сложное, не прогнозируемое самыми дальновидными умами. Но и формы, которые отольются или проступят тотчас после освобождения, тем менее доступны нашему прогнозу. (Я очень бы предостерег отдельных заносчивых мечтателей от такового ожидания, что освобожденный православный мир рухнет о-земь и будет просить иерархию Зарубежной Церкви прийти и возглавить себя). Не человеческими весами взвесить, кто кого должен тут оказаться достоин по силе страданий, по силе раскаяния и по силе веры своей.

Чем же можно отсюда тут да тут да? Показать пример стойкости и непримиримости? — отсюда тут да? — неубедительно. Единственно правильный путь — это путь к будущему слиянию всех ветвей русской Церкви. Учение, погубившее нашу страну, все двигалось идеями последовательного разединения. Поэтому восстановить Россию может только объединение ее физических и духовных сил. И соотечественники наши, кто находится за рубежом, но не перестает ощущать Россию как свою родину — не ласковую память прошлого, но реальную родину будущего, для своего потомства. — сегодня здесь ничем лучшим не могли бы послужить России, как сохранить в православии сокровище единства, как слить все русское зарубежное православие в единую стройную дружную молодую Церковь.

Вот почему я осмелюсь сегодня использовать предоставленное мне слово перед Собором для призыва: всем, кто деятель, а не историк, кто хочет целить и помочь — твердо обратиться в БУДУЩЕЕ, а не в прошлое! Тогда отпадут и поблекнут до ничтожества причины, приведшие к неоправданному расколу русского православия за рубежом, и не будут далее искаться виновники того прошлого разделения. Отпадут расхождения недоразумения, поверхностные, «юрисдикционные», не относящиеся к исповеданию веры. И если структурно объединение не-

† Волею Божией, 4-го октября 1974 года, скончалась

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ КРАСНОГО КРЕСТА (ст. организации)
ПОЛТАВСКОЙ ОБЩИНЫ, УЧАСТНИЦА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ КОМПАНИИ И ГАЛЛИПОЛИ
ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ИГНАТЬЕВА
урожд. ЛИПКИНА.

о чем с глубокой скорбью извещают сестры и братья усопшей.

В 9-й день, в субботу 12 октября, в 17,30 часов в церкви Св. Владимира (Вижа Бажестер, Сан Мартин 344) будет отслужена панихида.

† 30-го сентября 1974 года в Буэнос Айресе после продолжительной болезни скончался

ПОЛКОВНИК

ЕВГЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ МЕССНЕР.

Погребение состоялось на Британском кладбище Буэнос Айреса, о чем с прискорбием сообщают друзья покойного.

когда они поддерживали Митрополита Сергия. Тогда они доказывали его правду, а нас объявили политиканами». Митрополит Евлогий и другие (в Америке) шли на что угодно только бы не было единой Церкви за рубежом. Ради этого Митрополит Евлогий подписал акт о лояльности к Советской власти, впоследствии неизбежно и неотвратимо им нарушенный. Уволенный и запрещенный Митрополитом Сергием он перешел к грекам.

Нам понятно, что такой русский идеалист как Вы не может не быть ошеломлен найденным на Западе разделением русских людей. Мы все ощущаем это как большое горе. К сожалению только нам пришлось поневоле сжиться с ним. Особенно тяжело переносил его Митрополит Антоний: ведь Митрополит Сергий и Евлогий в свое время были его любимыми учениками. Его преемник, миролюбец по природе Митрополит Анастасий много потрудился, стараясь объединить все русское зарубежье. Вся разница между нами и отпавшими от нас была именно в том, что мы хотели единой Зарубежной Церкви ради Русского народа, а другие обособлялись и наше желание объясняли властолюбием.

Выражаясь Вашими словами, можно сказать, что мои предшественники, как и я, считали, что «ничем лучшим не могли послужить России как сохранить в Православии сокровище единства, как слить все русское зарубежное Православие в единую стройную дружную молодую Церковь».

Мы поэтому не шли ни на какие предложения облегчить свое положение присоединением к какой-нибудь другой Церкви. Мы на свободе ни в какой мере не хотели отделяться от креста своих страждущих на Родине братьев и ни за что не хотели отказаться от своей принадлежности к Русской Церкви. Напротив, Западно-Европейский Экзархат и Американская Митрополия оторвались от нее, — одна перейдя к грекам, а другая —

объявив автокефалию, т. е. окончательно оторвавшись от Церкви Российской. Они уже и по официальному названию и по существу не могут более именоваться русскими. Только отдельные приходы еще сохраняют до некоторой степени русский характер, в Америке очень немногие. Но можно сказать с уверенностью, что если бы наша Церковь не существовала, то почти ничего русского на Западе уже не оставалось бы.

Еще недавно, когда Американская Церковь принимала автокефалию, мы вновь призывали ее к единству, но наш призыв был оставлен без внимания. Тем не менее, продолжая болезненно переживать разделение, наш Собор вновь постановил ныне обратиться к своим братьям с призывом о возвращении к единству. Мы искренне и горячо этого желаем и уверены, что при добром желании с их стороны формы воссоединения можно было бы найти, как были они найдены в Америке в 1936 году.

Равнодушие к России, а часто полное непонимание страданий ее Церкви конечно многих от нас отчуждают, но того ожесточения, о котором Вы пишете, слава Богу, мы в своих пасомых не наблюдаем. Нам неизвестен ни один такой случай как отказ в причастии умирающему. Бытовому общению священников никто никогда не препятствовал, по крайней мере с нашей стороны, но когда люди сами отчуждаются от Русской Церкви, ощущая себя уже американцами, французами или греками, то утрачивается многое из того, что может нас связывать.

Только недоразумением или навязанной Вам кем-то дезинформацией можно объяснить и Ваше опасение, что мы рассчитываем вернуться в Россию какими-то судьями и командирами. Мы никого не знаем из нашей среды с такими мыслями. Но если бы состоялось освобождение России и мы могли бы воссоединиться с восстановленной православной и канонической властью, то мы полагали

возможно в короткий срок, как я понимаю, — то одним мановением, одним манифестом вот Вашего Собора сейчас — возможно откинуть и призвать откинуть взаимную враждебность Церквей, декларировать несестенность литургического общения православных священников, ежели их Церкви заведомо не служат безбожью. Я призываю Вас подумать о той печальной картине, как привидится рядовому русскому православному на родине, когда откроется ему, что на полной свободе и никем не преследуемое, православие непросто-тельно раскололось.

Решения Вашего Собора, увы, не могут определить хода развития и освобождения Русской Церкви в метрополии, но они предопределят величину и полезность вклада в форму Вашего будущего влияния на ту и в ту освобожденную Церковь.

Да само мечтаемое освобождение Церкви из-под диктата безбожия — разве единственная и высшая наша задача? Нынешний (он уже долгий, столетний уже) кризис Церкви значительно глубже и тяжелее стоящих задач весомее. Не больше ли предусмотрительной мудрости и душевного мужества надо изыскать для исправления грехов, несправедливостей и ошибок застарелых, давних, сегодня уже не явных, — но каждая из них и все они вместе легли на лик русского Православия искажающими шрамами. Как восстановить Церковь, которая не пригнетет никого из чад сво-

их? Восстановить Церковь не как отрасль государственного управления, ни как о й (и самой лучшей) государственной власти духовно не подчиненную и ни с как им партийным направлением не связанную? Церковь, в которой расцветут лучшие замыслы наших несостоявшихся реформ, направленных лишь к возрождению чистоты и свежести первоначального христианства? Церковь, которая станет на ноги не сама для себя, но всей России поможет найти своеродный, своеобразный выход из духоты и темноты сегодняшнего мира?

Формы, которых мы должны достичь, — не восстановленные, не повторенные дореволюционные. Но такой высоты должны быть они явлены и так напоены сокровищем неувядаемого поиска, чтобы привлечь, увлечь, быть может, и Западный мир, охваченный сегодня духовной неутоленностью. Несравненная горечь русского опыта подает и такую надежду.

Повторяю и в окончании: я не мню себя призванным к решению церковных вопросов. Но доступно и каждому мирянину выговорить правду так, как она открывается ему, в надежде, что соборный разум и соборное сознание восполнят все, недостающее ей.

Прошу у Ваших архипастырей и паствырей благословения, у всех у Вас — молитвы.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН
Август 1974

Заседания Третьего Всезарубежного Собора

В понедельник 9 сентября в утреннем заседании Высокопреосвященнейший митрополит Филарет сделал доклад о жизни русской православной Церкви за границей со времени Собора 1938 года. В сжатой форме Владыка обрисовал значение Второго Всезарубежного Собора, указав на его благотворное влияние, плоды которого не могли полностью сказаться вследствие наступившей Второй мировой войны. Владыка упомянул об опасности, которая грозила самому существованию Зарубежной Церкви под конец войны и отметил, что жизненные силы этой Церкви преодолели эти опасности.

Митрополит сообщил Собору о получении им письма от Великого Князя Владимира Кирилловича, который выразил интерес к Собору и высказал некоторые пожелания, которые принимались во внимание при рассмотрении соответствующих дел. Собор постановил послать Великому Князю приветствие.

Вторым был доклад архиепископа Никона о духовной сущности московской патриархии. Владыка ярко описал все, что происходило в русской Церкви после революции в России, испытания патриарха Тихона и его борьбу с обновленцами, а затем появление митрополита Сергия Старгородского и измена его тому пути, на котором стоял местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий. Владыка показал, что постепенно митрополит, впоследствии патриарх, Сергей спустился на те же пути, по которым шли обновленцы. Будучи в полном услужении советской власти, патриарх ныне послушно выполняет все ее указания, в частности, ведя борьбу против заграничной части русской Церкви.

Во второй половине дня был доклад протопресвитера Георгия Граббе о каноническом основании русской православной Церкви за границей. Докладчик кратко обрисовал каноническое устройство Церкви во время гражданской войны и перенесении церковного управления с Юга России в Константинополь. Он привел факты, доказывающие, что заграничное церковное управление твер-

до основано на Постановлении Патриарха Тихона, Святейшего Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 года и что факт этот в нескольких случаях получил подтверждение со стороны патриарха. Он привел доказательство того, что Постановление это и сейчас имеет законную силу, ибо свободы и нормального существования русской Церкви еще не наступило.

Доклад архиепископа Виталия был на тему: Догмат Церкви в историческом аспекте. Обрисовав историю Церкви в кратких чертах, Владыка Виталий остановился на определении ее как Тела Христова и говорил о том как надо жить, чтобы к этому Телу принадлежать.

Заседание было закончено формированием различных Комиссий. Владыка митрополит заявил, что Председатели их будут избраны Епископским Собранием на другой день.

Во вторник 10 сентября о. Г. Граббе изложил положительное учение о Церкви. Через весь доклад проходило учение, что Церковь полнее всего понимается через наименование ее Телом Христовым. Докладчик дал подробное объяснение значения самого слова Церковь, указывая, что в нем уже содержится учение о единстве Церкви. Затем докладчик обрисовал учение о Церкви, как оно изложено в Символе Веры, объясняя каждое ее свойство. Вторая половина доклада была посвящена существующим ныне уклонам от верности догмату о Церкви в современной жизни. Указав на то, что корень этих уклонов в рационализме и модернизме, докладчик более подробно остановился на несовместимости модернизма с верностью церковному преданию. Он далее указал на оппортунистическую измену Церкви со стороны московской патриархии и Константинопольского патриарха. Московская патриархия настолько отдалась в подчинение гражданской атеистической власти, что усвоила многие элементы обновленчества. Остановился докладчик и на появлении в Америке среди греков движения пятидесятников.

11 сентября архиепископ Женевский Антоний прочел доклад о Церкви в современном мире. Он обрисовал значение русской Церкви за границей, как хранящей православное предание и неоднократно высказывавшую православный взгляд на заблуждения. Она предостерегала другие православные Церкви против модернизма и экуменизма, стара-

Окончание статьи Андрея Дмитриевича Сахарова "Мир через полвека" читайте в следующем номере "Нашей Страны".

бы себя частью русской иерархии. Каков был бы наш удельный вес в этом случае, мы просто не задумывались. Заграничная паства по численности своей капля в море по сравнению с океаном всего Русского народа.

Вы затронули вопрос о катакомбной Церкви. Наши докладчики представляли нам убедительные данные, что и теперь существуют клирики, не подчиняющиеся Патриархии. О существовании и таких епископов, один близкий нам человек слышал от очень осведомленного деятеля в России, нам не сочувствующего. Быть может Вам это неизвестно, потому что они не решались общаться с Вами, поскольку Вы были слишком на виду и под постоянным наблюдением. Во всяком случае они могут быть только очень малочисленными. Но, зная как трудно противостоять коммунистическому организованному насилию, мы лобызаем и всякое проявление религиозной независимости от сатанинского гнета ради Христа, а всех приезжающих из России верующих мы принимаем с любовью.

Близок нашему сердцу Ваш призыв к всенародному покаянию. Но нам представляется, что Вы слишком большое ударение делаете на преследовании старообрядцев. Древний обряд был допущен уже указами 1798 года и в 1881 (единоверчество). Сами старообрядцы раздробились на множество сект (т. н. согласий), часто почти утерявших какие-либо признаки Православия. Злодеяния революции, описанные в Ваших книгах, несоизмеримы даже с самыми сильными преследованиями 17 и 18 века. С другой стороны, Святое Евангелие приводит слова Господа Иисуса Христа: «от плодов их познаете их» и — «всякое древо от плода своего познается». Это — вечный закон жизни духовной. Русская Православная («новообрядческая») Церковь во все периоды своего бытия — и по отделении от неа старообрядцев

— дала миру громадный сонм великих святителей и подвижников. А старообрядчество их не дало, т. к. сектантская гордость, помогавшая старообрядцам хранить церковный быт, мешала развитию и у них настоящей святости.

Известно ли Вам, что и Всероссийский Собор и первый Всезарубежный Собор обращались к старообрядцам с любовью? Но по существу мы разделяем Ваше чувство гнета народных исторических грехов, в общей сложности ведших народ к катастрофе. О. Георгий Граббе напомнил нам такой покаянный призыв его прадеда, А. С. Хомякова:

«Не говорите: «то былое,

То старина, то грех отцов;

А наше племя молодое

Не знает старых тех грехов».

Обсуждая помощь родному народу мы не мыслили это как водительство, а в гораздо более скромной плоскости, чем видимо Вы предполагали. Собор мыслит это как наше свидетельство на Западе о преследовании веры в России и работу по отправлению туда Слова Божия и религиозных изданий. Нас ободрили те отклики, которые были получены на то, что отправлялось до сих пор.

В заключение я еще раз благодарю Вас за Ваше письмо, откровенность и Христианский дух которого мы все высоко ценим. Мы знаем как Вам дорого время для того, чтобы продолжать начатое Вами святое дело разоблачения преступлений антихристовой власти. Поэтому мы были бы Вам признательны, если бы Вы включили в планы своих трудов ознакомление Русского народа и Западного мира с подвигами сонма наших мучеников за Веру и исповедников. Подвиги и кровь мучеников есть несокрушимая возрождающая сила.

От имени Собора призываю на Вас и Вашу семью Божье благословение и остаюсь Вашим усердным доброжелателем

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

ИСПРАВЛЕНИЕ

В № 1283-ем «Нашей Страны» на первой странице в заметке «Обращение к русской общественности» в подписях этого обращения вкралась досадная опечатка. Эти подписи надо читать так:

Константин Белоусов, вице-председатель Русской Академической Группы в США, главный редактор «Записки» этой Группы; Сергей Войцеховский, председатель Общества имени А. С. Пушкина; Роман Гуль, редактор «Нового Журнала»; князь Алексей Щербатов, профессор, секретарь Русской Академической Группы в США; Николай Полторацкий, профессор.

Зарубежная Жизнь

ХРАМОВОЙ ПРАЗДНИК СВ. СЕРГИЕВСКОГО ПРИХОДА

Храмовой праздник Св. Сергиевского прихода в Вижя Бажестер будет иметь место в воскресенье 13-го октября с. г. Богослужение возглавит Высокопреосвященнейший Архиепископ Афанасий.

После литургии — трапеза и лотерея.

ласть раскрыть им глаза на истинное положение Церкви в России. Призывая к твердости в исповедании истины докладчик, однако призывал и к снисходительному отношению к тем, кто отделился от единства Церкви за рубежом и к тем, кто еще не окончательно коснеет в догматических заблуждениях.

Доклад вызвал очень оживленный обмен мнениями, причем одни очень горячо поддерживали точку зрения докладчика, а другие относились к некоторым положениям его с большой осторожностью, а иногда и несогласием. Было высказано мнение, что практические выводы из доклада может сделать только Архиперейский Собор.

Затем был заслушан доклад о положении Церкви и русских людей в СССР, проф. В. И. Алексеева. Он вызвал большой интерес у членов Собора сообщением о разных встречах с людьми из СССР и свидетельствах о сохранении веры иногда у людей занимающих довольно видное положение, в том числе и свидетельства о катакомбной церкви.

Протопресвитер Алексей Ионов, проф. С. В. Гротов и архимандрит Антоний (Граббе), дополнили доклад проф. Алексеева сведениями о своих встречах с верующими из СССР.

В четверг 12 сентября доклад делал Г. А. Рар на тему: Страждущая Церковь на родине, ее подвижники и хулители. Доклад широко охватил разные стороны жизни русской Церкви в СССР, начиная с экскурса в доступные статистические данные о количестве верующих и открытых церквей. Пользуясь данными, полученными им из разных источников и, в большей мере от таких лиц как писатели Максимов и Синявский, Г. А. Рар показал, что несмотря на все гонения и на очень малое количество открытых церквей вера продолжает жить в русском народе. Все больше проявляется в молодежи неудовлетворенность марксизмом и представители ее начинают тянуться к вере. Так например, известный священник, Дмитрий Дудко один только крестил до тысячи взрослых. В некоторых областях крестят до 70 % младенцев. Наряду с этим печальную картину представляет официальная иерархия. В низшем духовенстве встречаются такие сдвинутые как о. В. Шпиллер в Москве, но встречаются и самоотверженные пастыри совершающие свое служение вне рамок, поставленных гражданской властью. Докладчик привел ряд интересных иллюстраций из жизни.

Доклад Г. А. Рара вызвал очень оживленный обмен мнениями. Высказывалось

желание чем-нибудь помочь верующим в СССР. Выяснилось, что помощь может выразиться только в посылке литературы: Евангелий, молитвенников и пр. Братство Православное Дело в Европе, руководимое архиепископом Женевским Антонием, организовало посылку литературы и получает интересные отклики. Архиепископ Аверкий при этом заявил, что Свято-Троицкий монастырь готов предоставить для пересылки свои издания, если ему укажут для этого пути.

На последующем заседании с большим вниманием было выслушано обращение к Собору от А. И. Солженицына. Знаменитый писатель с большим вниманием отнесся к Собору и постарался высказать свой взгляд на вопрос о том, чем русская Церковь за границей может помочь Церкви на родине.

По выслушании письма А. И. Солженицына протопресвитера Г. Граббе высказал суждения, которые были выражены при ознакомлении с ним в заседании Архиперейского Синода, делая некоторые поправки на основании фактов зарубежной истории, очевидно неизвестных А. И. Солженицыну. Он охарактеризовал призыв его как крик души, души любящей Бога и людей и научившейся стоять за истину.

Большое внимание Собора привлек к себе доклад отсутствующего епископа Нафанаила о работе по посылке различного религиозного материала в СССР и получаемых откликов. В докладе приводится ряд писем оттуда. Дополнительно к докладу епископа Нафанаила г. Скворцов (Германия) прочел ряд других характерных писем от лиц, получавших литературу Православного Дела.

Затем был доклад священника В. Шишкова о церковном быте. Докладчик указал на то, что жизнь православной Церкви проходит в формах определенного быта, который у русского народа сформировался под сенью Церкви. Но теперь заботится о возрождении этого быта в русской семье. ●

**Доктор
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueytrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.
Т. Е. 768 - 5113**

Друзья „Нашей Страны“

в субботу 19-го октября в помещении Института Физической Культуры «Муром» (Calle O'Higgins 1368, Florida F.C.N.G.B.M., полтора квартала от станции; коллективы: 15, 21, 71, 130, 161, 192, 228)

у с т р а и в а ю т

бридж - шахматы - скрабль - канаста

Весь чистый доход будет пожертвован в Фонд Изд-ва «Нашей Страны».

Вход: 10,00 песо.

Начало в 15 часов.

Б У Ф Е Т
В 19 часов — У Ж И Н

Просьба принести с собой карты, шахматные доски с фигурами и «скрабль».